

Б

ез разрешения Мурата приглушив голосок певицы, настойчиво выясняющей у мужа, какой прогноз у них сегодня в доме, я киваю на датчик температуры воздуха — смотри, дружище, в ноябрьской Москве глубокий минус, а у вас здесь — красота какая — наверное, и зимой — вечный плюс? Мурат, тысячу раз слышавший точно такие телячьи восторги от всех приезжих, слегка пожимает плечами, мол, само собой. Только... неужели с таксистом можно говорить лишь о погоде и плохих дорогах?

Наверное, да, с грустью думает Мурат, не о семейных же тайнах гостю со мной делиться...

— Знаете, я всегда вашим говорю, что у нас здесь Эдем, рай земной! Вон, видите, за взлобком слева холмы и зеленая гряда? На тех горах Творец создавал всяк сущее на Земле. Мой дедушка так говорил, и я готов с любым вашим московским или там петербургским историком спорить...

— Да что спорить? Медицинский факт! Невозмутимо вильнув рулем, объезжая собрата-таксиста, бегущего из бистро с банкой горячего кофе к своей машине, Мурат одобрительно прицокивает языком: якши, барин, хорошо сказал про медицинский факт, надо запомнить...

Симпатичный он парень, этот Мурат. Не повышающий голоса, даже когда объясняется с горластыми водителями «маршруток», так и норовящими загородить своими желтыми букашками выезд к центру. Учтивый, в отличие от ретивых лихачей, не пропускающих пешеходов на «полосатиках». И никогда не занимающий чужую — даже более выгодную стоянку — близ ворот моего пансионата «Журавли». Мурат сразу же, при первой встрече, стал для меня надежным лоцманом, гидом, экскурсоводом на не таком уж долгом пути до горного края из равнинного аэропорта Минеральных Вод. И теперь, когда рождается желание обозреть окрестности, вплоть до песенного Домбая — а коллективные экскурсии я терпеть не могу, — набираю номер его мобильного телефона и слышу в ответ неизменное: «Джигит не спрашивает куда, джигит спрашивает — когда?» И мы оба хохочем, зная, что это — наш и только наш — секретный пароль.

Мурат и внешне отличается от своих горских ровесников — усатых, патлатых, волосатых, бородатых, заросших рыжей, сивой, смоляной растительностью до безобразия и наряженных все, как один, сверху — в бесцветные ковбойки, снизу — в полинялые спортивные шаровары с блеклыми лампасами. Моему чичероне достает брутальности: белоснежная сорочка с воротничком-стоечкой, в ином случае, рельефно подчеркивающая его борцовский торс кремовая маечка какой-то модной фирмы, всякий раз с привлекательным девичьим личиком и озорной надписью на английском языке. Мурат, как исправный строевой офицер, всегда до синевы небесной гладко выбрит; то ли в парикмахерской, то ли дома женой — аккуратно подстрижен. И, как только что сорванный с грядки молодой огурец, весел, остроумен, пупырчат, чуточку колюч и свеж. В салоне такси постоянно витает слегка горчащий аромат мужского парфюма, конечно, импортного. «Откуда дровишки, Муратик? Франция? Таиланд? Багамы?»

Мурат поводит кустистыми бровями, пожимает плечами, только в этот раз чуток смущенно: «Не знаю, написано “Лакоста”. Прощальный привет мурманской подружки. Она всегда отдыхает в “Нарзане”. Та-а-кая лапонька... Ай! Времени сколько? Обещал же ей позвонить, уже, небось, долетела. Можно на три минутки приторможу?»

Мурманск... Представляю, какие только и откуда только не заходят в этот могучий северный порт корабли с колониальными товарами... Франция, Швеция, Норвегия, Исландия, Финляндия, Британия... Я с охотой прикупил бы себе в каком-нибудь тамошнем бутике солидный флакон точно такого, как у Мурата, пиратского одеколona. А еще пузырек дамских духов. Так, на всякий случай. Мало ли... Тоже на презент суженой-ряженой. Не век же целый ходить мне теперь в холостяках...

— Кислородск, вы говорили? Да, точно, можно и так наш край называть, — прячет телефончик в подлокотник водительского сиденья Мурат и, верный себе, сочувственно улыбается статной белокурой дамочке на автобусной остановке, долго провожающей наш экипаж томным оценивающим взглядом. Вот же кобелизм непоколебимый...

— Воздух здесь везде целебный. Я в апреле спортсменов, тренеров, массажистов, врачей ваших возил вон туда, за перевал, в горы. Нет, еще дальше, за Машук. Там такой шикарный лагерь они раскинули... Приехали человек сто, чтобы к летней Олимпиаде акклиматизироваться, кислородом насытиться, дыхание укрепить. Кроссы по утрам бегали, марафонили. Вообще, пахали все, ничего не скажешь, как эти, как пахари настоящие. Я потом смотрел, они всех своих противников побудкали только так. Аргентину, Кубу, Ямайку — всех под ноль! Виталик Яровой наш,

знаете? У! Классный боксер, тяжеловес. Во втором раунде как засветил джеб африканцу прямо в табло — я думал, у того тыква отскочит. Нокаут! Чистый! Как кувалдой! Витале — золотая медаль!

Минюя крепостные стены дорогущих особняков («У этого бизнес в Греции, шубами торгует, родичи устроили в Парфеноне...» — «Этот на Кипре держит отель, а начинал с наркоты, свои же и подставили. Он срок отбыл, вернулся, поквитался кое с кем, и свалил туда, слышали, может, город Пафос?...» — «Этот?... Нет, здесь без криминала мужик, я знаю. По молодости золотишко в Сибири мыл, а на пенсию сюда переехал...»), — виртуально знакомит меня с причудливыми, не похожими один на другого местными дворянами и их владельцами мой добрый друг Мурат. Жиголо поневоле, желанный подарок для всех возрастных искательниц приключений, послушный и отзывчивый на сладкие напевы курортных наяд, как и неразборчивый в этом грешном деле его зеркальный отблеск — Дон Жуан.

Мурат, спасаясь после бурной ночи любви от подлого волшебника — сна, мурлычет одну песню за другой, искоса поглядывая в мою сторону — когда же последует команда «Стоп!» — уже и кукурузные поля миновали... Едем, едем дальше, генацвале, то есть, джигит ты мой дорогой, туда, за перевал, в горную долину, где обещан праздник молодого вина, где я намерен всласть погулять, забыться, отдохнуть от наплыва черной полосы, всего того семейного удушья, что клещами цепко держало меня за горло последние полгода, если не больше...

Пой, Муратик, пой, славное дитя Кавказа. Таинственны, опасны, как лезвие в руках сумасшедшего, извилистые тропы твоего родного края. Кого-то ведут они к могуществу и непомерной славе, как тех богачей из пышных палат, успевших на ходу вскочить каждый в свою золотую карету. Кого-то безжалостно низвергают в каменное ущелье, в пропасть; мы же видим с тобой, сколько скрюченных попрошаек гнездится у хлебных мест — близ вокзала, сберегательных касс, центрального рынка, бесчисленных кафешек — все с затаенной надеждой на подавание. Что будет дальше? Трудно понять. Для этого надо родиться, жить здесь, впитывая в себя денно и ночью наследие всех предыдущих поколений... А выносить поверхностные суждения о горных народах исключительно после знакомства с кавказскими тостами, необычной природой с ее густыми малорослыми ельничками на склонах да пестрыми цветочными полянами в низинах, под которыми всегда скрыты коварные осыпи, все равно, что позволять машинисту дизельного поезда командовать дизель-электрической подводной лодкой. И сам глупец потонет, и субмарину загубит.

Впрочем... Зачем они мне, все эти нувориши и мысли о них? Ни удивления, ни восхищения, ни зависти, ни, тем более, ревности и на гран нет у меня к их кичащимся богатством закромам. Как нет и сочувствия к их судьбам. Ну, наворовали пацаны, кто сколько смог, дальше что? Каждый божий день сутками напролет слышать стук в своей голове торгашеского калькулятора? Где выгоднее сырье закупить? Кому залежалый товар загнать? Кому подмазать, а кого отмазать? С кем вести себя поосторожнее, как японцы говорят, «мышка-мышкой», с кем понаглее, с кем дружить, а кого из конкурентов придавить... А там припрет полиция, а там нагрянут мытари — ненасытные налоговики, а там ждет свой куш алчущая управа — и ты будь мудрым, как Соломон... А то я всех этих прелестей не знаю... Ой! Гори они огнем, такие пряники. Счастье — когда тебе не угрожают ни ножом, ни пистолетом, когда спишь спокойно, от шороха

на лестничной площадке не вздрагиваешь и по улице ходишь, не оглядываешься, разве что на стройные ножки — красавицам вслед... Держи, Мурат, аванс, пошире улыбайся встречным барышням, а я — по твоему совету — погуляю в здешнем парке, о котором ты мне столько говорил, загляну и в усадьбу, как, напомни, фамилия художника? Ага, Ярошенко... Так что, до вечера...

— За вами сюда же и заехать, Георгий Андреевич?

— Я позвоню, Мурат. Пока действуй по своему плану.

— Понял. Как скажете...

— ...Ваше благородие!

— Как скажете, ваше высокоблагородие! Ихъ бин хойте абенд!

* * *

Бурливая, кипящая, по-птичьи гомонящая на двенадцати языках народов мира толпа всасывает меня в свое жерло мгновенно, с головой, ручками и ножками, ровно так, как втягивает в себя могучий магнит маленькие железные опилки. Мало того, что могучий массив поработает, он еще и понуждает подчиняться хаотичному броуновскому движению. Все! С концами. Ты пленник толпы. И теперь, подобно тому, как несет в неоглядную светлую даль исполинский водный поток лимонные, багряные, зеленые листочки, опавшие с кленов, берез и тополей, так и людская стремнина увлекает уральских сталеваров, курских хлеборобов, уфимских пчеловодов, тамбовских пенсионеров, меня, грешного, ведающего строительным производством в предместьях Москвы, все дальше и дальше, и дальше... Вон туда, к развилке, где в зарослях пыльной бузины, горделивого папоротника и досточтимой черемухи высятся три фанерные таблички, три самодельных указателя с вычурными стрелками, которые предлагают всяк сюда дошедшему выбор: или шагом марш еще повыше, по спирали, в Долину роз, или конкур влево, на свидание с какой-то загадочной Стеклоанной струей, или же гран батман вправо, знакомиться с помпезной Императорской беседкой... Чувствуешь себя как тот витязь на распути: куда пойти, куда податься?

А немного поодаль переминается в модных кроссовках некий граф Монте-Кристо; не бедный — судя по массивным золотым часам, дорогущим итальянским очкам, стильному французскому пиджачку — и молодой курортник из разряда остряков-самоучек. Этаким красавец с «впуклой» грудью и согбенными плечами, анфас — действительно граф, а в профиль чем-то отдаленно напоминающий предводителя Ясира Арафата, осматривающего в своей знаменитой конфедератке Голанские высоты. С некой «кагтавинкой» в голосе, он воркует как бы на ушко, но так, чтобы слышали все присутствующие, по-светофорному разодетой спутнице: «В Тгетьяковской галерее говорит евгей евгею: сгеди тгех богатыгей посгедине — наш, евгей!..» И напомаженная мадам Фрикасе, в ушах сережки-колеса, припадает к узкому плечу своего плешивого кавалера, заходясь в пароксизмах неестественного смеха...

Так обычно хохочут приглашенные на дешевые телевизионные передачи малоизвестные актрисы с нескрываемыми и косметическими средствами следами былого безобразия на лице. Опытные вышивальщицы подкововерных узоров в оставленных ими театрах, нигде и никогда не признающие, что в графе «умственные способности» у них прочерк, зато умеющие как бы невзначай явить режиссеру передачи, ассистентам, безот-

четно аплодирующей публике свои накачанные ботоксом ланиты, перси, губы. И разбавить пару вымученных банальных фраз залившимся жеребиным гоготом. А че? «А я иду такая вся, Дольче Габбана...»

Простонародью, всеядному пиплу как не любить круглосуточно веселящую его богему! А я так хотел бы увидеть эскадрон этих шутов и шутих, прочно прописавшихся на всех каналах несчастного нашего телевидения, хотя бы однажды у себя на стройке. Пусть просто постоят где-нибудь под козырьком подъезда, покурят, посплетничают, но все же хотя бы издали посмотрят на своих сверстников — трудяг каменщиков, плотников, маляров, штукатуров, не вылезавших из резиновых чеботов бетонщиков. Тихих тружеников, без пафоса и лживых интервью творящих блага земные. Тех, для кого безродная попка и ее кормчий — Верка Сердючка, завывают на зависть всем буржуйам: «Мне уже восемнадцать, в паспорт страшно смотреть»... И вокалу под бокалом этой звезды, млея от удовольствия, закатывая глаза, подпевала моя бывшая. «А что я, по-твоему, музыку Вивальди должна слушать? Слушай ее сам. Архитектор!» Конечно, лучше Сердючка Верка: «Я иду такая вся, на сердце рана». И думать ни о чем не надо. О любви не говори, о ней все сказано...

Ворожея-ветерок треплет нежную листву осинки да рябинок, а когда меняет направление, доносит терпкие запахи кавказской кухни из поблизости расположенного кафе «Барашка». Зайти, что ли, посидеть там с шашлычком за стаканчиком холодного винца? Но как же тогда музей художника Ярошенко, куда настоячиво советовал сходить друг мой, Мурат? «И я иду такая вся...» М-да. Если уж привяжется пошленький мотивчик, то надолго... Но я, в самом деле, иду. Пусть далеко, аж в конец парка, зато на свидание с настоящим искусством, а не той мазней, которую предлагают со всех стендов в парковых аллеях «искусствоведы» из подворотен.

Никакие, по моему убеждению, они не художники, а простые копиисты, сбывчики краденого. Равнодушные реализаторы договорной продукции, которым все равно, чем торговать, абы торговать — будь то квашеная капуста с подпольной овощной базы или канцелярские товары из частной типографии «Шрифты унд Ватман». Важен для скупщиков-перекупщиков сам процесс кажущейся деловитости, причастности к ней, наслаждение битвой жизни и сладостный дурман наживы, будоражащий воображение. И потому в ходу виртуозный обман лопочухих покупателей, лохов, например, жительниц дальнего захолустья, с ученым видом разбирающихся в живописи легко и просто, как в апельсинах. Слышу внятней обмен мнениями гостей «вернисажа»: «Шураньк, поди сюда, гля, натюрморта с кошечками, скажи, зашибон! Как наших котятков нарисовал. Спроси, за сколько отдаст? А мы на кухне эту пейзаж повесим, точняк?»

Отвлечь от груза сомнений и тягостных раздумий (наверняка, знал это Тургенев) может только река. Любимица детворы и граждан преклонного возраста вертлявая речушка без названия, глубокой осенью, как сейчас, откровенно обнажающая дно вплоть до вековых наслоений ила, мшистых камней, созвездий ракушек и запекшихся, как базальт, бесформенных плит, а по весне наполняющаяся тальми водами по горло, взалхлеб, жадно облизывая берега и норовя подпрыгнуть до парапета Набережной, а то и превысить уровень ординара.

Впрочем, своенравная горянка не такая уж всемогущая. Есть и на нее укротители. Вот высоченный светловолосый малый в матросской тельняшке и рыбацких резиновых сапогах со шлейками — этакий шведский

винкин — стоя посреди обмельшей «горянки», ловко выстраивает из подручного материала — малых и больших речных камней — невероятно причудливые человеческие фигуры, а то и целые композиции. Вот кто удивляет так удивляет своим мастерством! Пять минут — и родилась под его руками барынька в кокетливой шляпке, да еще и с зонтиком, пять минут — и напротив нее круто подбоченился крепкий мужик с картузом набекрень, хоп — и заскочил на смостыренный из крупной гальки высокий плетень чижик-пыжик, на которого снизу пялятся глупыми глазами коза-дереза, за ней дворовая собачка Жучка, а там и кот-воркот с лихо задранным хвостиком...

Обалдеть, какое мастерство! Глашатай никогда не пустующих телестудий, уроженец маленького поселка Асбест (или Апатиты?), горластый такой нахалюга с вечно выпученными глазами, вопит в таких случаях: «Я в шоке!» (Хорошо хоть не в шопе!). Думаю, и ему, прижимистому, не жаль было бы кинуть сейчас заслуженные премиальные в картонную коробочку, предусмотрительно укрепленную скульптором многофигурных изваяний на парапете Набережной.

«А я иду такая вся...» Господи, чтоб ты пропала...

Кисловодский парк полон соблазнов. Хочешь — подсядь вон к тем любителям нард, покидаешь вместе с ними кубик над истертой доской. Не просто так, за деньги! Хочешь — поди сыграй в шахматы вон с тем хитрым Митрием, ровесником векового платана, под которым старый хрыч расположился на домашней табуреточке со всем своим незатейливым скарбом — термос, шахматные часы, телогрейка... Как-то я с ним уже сыграл. После первых же ходов понял, что партнер мой — крепенький середняк-второразрядник, ловающий на кукан («сыграем по столыничку»?) еще более слабых, чем он, шахматистов-курортников. В случае проигрыша никакой «столыничек» несостоявшийся гроссмейстер никогда не отдаст. У него, как в генштабе, все продумано. Если продует — перевернет доску, предлагая продолжить матч-реванш фигурами иного цвета. И так будет крутить до тех пор, пока, окончательно разгромленный, не признается: «Ах ты, черт, а я ведь дома деньги забыл. Подождете? Тут недалеко... Я сметаюсь за полчаса». И сметается. В неведомую сторону, без опознавательных знаков. Навсегда. Оставив на память табуреточку.

Но какой уважающий себя человек станет ждать эти «полчасика»? Прощай, дед-мироед, живи и здравствуй дальше под кроной платана. Прячь лицо, натянув до самого подбородка всепогодный капюшон. Вот так! Теперь ты — точная копия паркового пьедестала с бюстом героини гражданской войны — следователя ЧК Ксении Ге, девушки с художнической фамилией, зверски убиенной беляками. Не знаешь, дедуля, за что? Как они могли, ироды, такую молодую, такую красивую дивчину так жестоко казнить?.. Впрочем, и очевидцев — во все века сжигали люди на кострах... «Очевидец» — значит свидетель.

«У нас «на хате», Георгий Андреевич, никогда не произносили это нехорошее, неправильное слово «свидетель». Плохое оно считалось слово. Говорили — «очевидец». Вот это хорошее, правильное слово. Так говорил мне одинокий бригадир Филимонов, отдавший крытой «хате» немало лет за преступление, о котором как-то поведал мне в больничной палате, безмерно благодарный за проведывание, да еще с конфетами и сигаретами... По молодости лет группа шалопаев вздумала отобрать пистолет у инкассатора. Всего лишь отобрать и в лесочке пострелять. «А я на шухере стоял, Андреевич. Чисто на атасе. И — копец. У нас же как,

сами знаете, юстиция неподкупная; на суде пацаны из тех, кто побогаче, на меня одного пальцем указали, как им папы с мамами велели. Они ягнята, я — бандит. Коль бандит — приговор в зубы и на зону. Привет сидельцам от прокурора!»

Как могла не вспомниться судьба Филимонова в музее Ярошенко, у самой главной, наверное, самой удачной, точнее, его картины.

...Зарешеченное окно столыпинского вагона, замершего под парами на безвестной станции. Арестанты — женщины, старики, дети, — смотрящие из глубины тюремного окошка, забранного решеткой, на стайку голубей, мирно клюющих на перроне какие-то зерна, семечки... За окошком, там, где птицы, — воздух, простор, свобода, воля; внутри вагона — мрак, смрад, безнадега, неволя...

И без пояснительной таблички на старинной раме название понятно: «Всюду жизнь!». Смотришь — глаз не оторвать.

Но, что это? Матка-боска! Вновь рядом со мной предстала та же сладкая парочка, где Ясир Арафат, как ведущий, то и дело подталкивает на выход недовольную его шпильками спутницу, то бишь, ведомую, по-прежнему гласно умничая: «Хватит, Виолетта, ингибировать, пойдем дальше брендировать». И снова это характерное грассирование, и опять это победное оглядывание окружающих после каждой фразы, смотрите на меня, любуйтесь мной, вашим гегемом, я один здесь такой умный. Один на миллион!

Почему-то подумалось, будь сейчас рядом та сельская мама с дочкой Шуранькой, что покупали на развале литографию лупоглазых кошечек сиамской породы, и те сказали бы: «Вроде не иностранец дядька, а сам-то хоть понимает, о чем чирикает?» — «Ингибировать»... Ну, надо же так отксерить!»

А Арафат не унимается, подергивая рукавчик желтой кофты Виолетты (на голове сероглазой красотки красный капор, под цвета охры кофтой — зеленая юбка — красный, желтый, зеленый, ну чем не светофор?) «Радость моя! (звучит, как «гадость моя!») кончай ламбрекеном прикидываться, натюрморты разглядывать, Мусик хочет кушаньки!»

Моисей, что ли? Ну-ну... «И я иду такая вся...»

Нет, положительно, чумовой какой-то выдался день...

— Не Эрмитаж, конечно, но ничего, есть чем полюбоваться, правда? — смотрят на меня не такие уж и наглые, не такие уж и пошлые, как привиделось поначалу, глаза Виолетты, приотставшей от своего... ламбрекена. И следом совсем уж доверительный ее шепот: «А я вас еще там, на развилке, сфоткала, подумала, ух, какой импозантный мужчина. И, наверное, холостяк? Или в разводе? Мы ведь с вами ровесники, разменяли уже сороковники, верно?» «Радость его» сочувственно ласкала меня лучиками фиалковых зарниц... И враз стала мне близкой эта прелестница-незнакомка. Но, пока я невразумительно помывкивал, не находя умного ответа на вопросы пикантной дамы, Ясир Арафат, одарив меня колючим взглядом, чуть ли не потащил к дверям свою принцессу, вполголоса «матгясь» на доходчивом русском языке. Вот это Моисей! Вот это «профессор»! Чтоб ты здоров был и не кашлял, гусар ты наш удивительный!

— Обратите внимание, как под волшебной кистью художника разливается заревой свет — и вот здесь, над горной кручей, и в этом уголке, где каменистая тропа, — ведет стайку пожилых экскурсантов, преимущественно женщин, ладная, статная дивчина-экскурсовод. Из тех, самой

природой наделенных красотой чаровниц, которым не надо выступать ни на каких «мисс», чтобы без подкупов и обольщений, гордо и независимо утвердить себя на первом месте в любом зрелищном зале — от камерного, как здесь, в музее, до огромного, предположим, как Кремлевский дворец. Позавидуешь, блин, ее избраннику!

— А вот скалистый откос. Что это — внезапный обрыв, глухая падь, срез холма или отроги дальних гор, за которыми не увидишь горизонта? Решать зрителю. Но мастер не скрывает одного: свой экзистенциализм, проще говоря, свое одиночество... Смотрите: голая вершина, как выжженная душа, здесь ни травинки, ни деревца, грустью пронизан гранитный утес. И лишь распростер свои ветви у подножия вершины старый мудрый дуб, словно готовится укрыть под развесистой кроной всех, терпящих бедствие путников...

Слушал бы и слушал строгого искусствоведа, знающего свой предмет на пять с плюсом, хоть до вечера. И представляю, сколько дней и вечеров просидела ученая барышня в разных библиотеках, собирая по крупицам сведения о художниках-передвижниках, друзьях военного инженера Николая Ярошенко. А кто она сама, гид? Откуда? Отсюда? Жаль, разница у нас с ней в добрых двадцать лет... А то бы... А то бы что, Гоша? Закрутил с ней роман? Топай давай на выход, экскурсант-одиночка!

Умный в гору, может, и не пойдет, а вот в музеи ходят все же преимущественно умные. А те, кто не очень, те топают в пивнушку или в кабак. Умные идут себе, переполненные впечатлениями после выставки, интересно что-то обсуждают, занятно о чем-то рассуждают на ходу. И я жадно ловлю обрывки их фраз, потому что самому поговорить-то не с кем, а так хотелось бы... Да при чем здесь душу излить? Просто поговорить, потолковать о том, о сем, о разном. Посудачить. Мало ли о чем?

И я мысленно вклиниваюсь в споры, я подхватываю разговоры с теми, кто обтекает меня слева, справа, с теми, кто не торопится обогнать, шагая за моей спиной сзади... До чего же ты причудлив и дьявольски интересен, род людской со своими умными идеями, ссорами, пустыми тараторами! Вот только что здесь делаю я? Здесь и сейчас, в многолюдном парке, и один на всей планете? Нет, положительно уж где-то надо выпить, отогнать докучливые мысли. Это Филимонов вспомнился вдруг, хрипло спорящий с въедливым моим нормировщиком за каждый рубль в расценках: «Хватит нас уже пугать, мы уже пугатые»... Конечно. После инкассаторского-то пистолета. Это тебе не Ясир Арафат в крылатке-конфедератке со своим ингибированием! Согласна, Виолетта?

Тостующий пьет до дна, с Данелия, царствие ему небесное, в этом деле не поспоришь. А тоскующий? Тот, у которого в самом расцвете сил, при высшем специальном образовании и собственном строительном бизнесе вдруг — хоп! — и лопнула семья. Осталась на прощание только записка: «Гошенька, не помни меня, я была плохая жена...» И запоздалые откровения сослуживцев: «Да видели мы твою царицу с этим опарышем, и не раз, подумать только не могли... Ну что она в нем нашла?» Значит, нашла. И рвущий сердце на части дочкин телефонный звонок (украдкой, с дачи, от той бабушки): «Папуля, мама заставляет меня называть дядю Костю папой. А он вонючий. И лезет то в носик, то в лобик целовать...»

Эх! Замыслил я побег подальше от места семейного краха, а он меня и здесь достает, в горах, на высоте 5642 метра над уровнем моря... Не дает

отдвинут наваждение, принесут хотя бы временное облегчение?

Расчудесный фонтан — музыкальный, с цветовой подсветкой, вычерчивает водными струями вначале танец маленьких лебедей, затем что-то такое из «Баядерки», следом — «Кармен»... Супружница, как ни говори, была хореограф с приличным стажем, научила понимать балет... Сидеть бы с ней сейчас в этом гостеприимном павильоне, огромном, как самолетный ангар, ей — потягивать из широкого бокала любимое полусладкое, откусывая маленькими кусочками дольки от пирога с ягодой малиной, мне — под Петра Ильича Чайковского довольствоваться вискарем, если только он не поддельный, а лучше — вот таким же коньячищем с ванильным привкусом...

За тебя, Азнаур Сапарович, за твоё здоровьице и семейное благополучие со всеми твоими чадами и домочадцами, старый мой, с солдатского времени, дружище, владелец хреновенького балагана «Журавли», бесплатно приютивший меня на две отпускные недели. Харч у тебя в столовке отвратительный, честно говорю, потому по утрам — лишь бы глотнуть чайку и скорее звонить Мурату, чтобы погнать с ним подальше от всяких процедур, микстур, прогорклой кухни и, главное, от обряженных в серые дурдомовские халаты обитателей, для которых нет ничего слаще морковки, а интереснее — обрыдлого экрана телевизора...

Скоро меня опять ждёт стройка, бетон, раствор, кирпичи, брехня с заказчиком и брехня с субподрядчиком — ребятами талантливыми, хитроватыми, вороватыми, хотя и мы не лыком шиты. А пока — чин-чин, поехали!

Но, поднимая ввысь охапку шифера... то бишь, опрокидывая единым махом первую боевую единицу коньяка, я периферийным взглядом заметил чей-то устремленный в мою сторону пытливый зрак. Виолетта? Найн. То уставился на меня совершенно незнакомый белобрысый малый с нехилой фотографической оптикой в руках. Кто это? Что это? Просьба по умолчанию подать хотя бы полтинник? Здесь полным-полно всяких-разных попрошаек... Знаю и я по своей голодной юности, что такое обеденный перебив, а ты не можешь наскрести и мелочи в горсти... Но! У этого мальчишки с цепким взглядом не нищенский посох в руках, а вон какой аппаратиче. Так чего тебе надобно, старче? И с поклоном малец отвечает:

— Здравствуйте! Вы это, вы, пожалуйста, хотите сфотографироваться прямо тут, у фонтана?

Мне всегда нравится, когда говорят утвердительно «хотите?», в отличие от неопределенного и неуверенного «не хотите ли?»

— С какой стати, юноша? Я не киногерой, не лауреат Нобелевской премии, автографы не даю...

Оценив широкой улыбкой мой развернутый ответ и явно осмелев, пацан — страсть как похожий на Витьку Ефименко — приближается ко мне на два шага ближе.

— Да не, я, пожалуйста, не это... У нас ща практика в техникуме, все бесплатно. Мне просто, чтоб человек согласился, и я это...

Ну, чудик! Точно Витька Ефименко! Был такой кент в моей институтской группе — маленький, щупленький, белобрысенький, вечно что-то грызущий, как мышонок: то сухарик, то орешек, то сушечку, забавно поводя при этом кирпатым носиком и подрагивая верхней губкой. Никогда он, зараза, никому списывать ничего не давал, хотя учился, особенно по сопорамату и стальным конструкциям, лучше всех. Но мы повадились

так: кто-то по вечерам отводил обжору Витьку из общаги в кафешечку «Весна», где в поздний час делались скидки для инвалидов, пенсионеров и студентов, а трое нас, остальных неучей — заядлых футболистов, быстро-быстро, бегом-бегом сдирали решенные трудолюбивым Витькой задачи по математике, срисовывали эскизы, бережно укладывая затем его конспекты в положенное место. «И чтоб никто не догадался, и чтоб никто не догадался, что эта песня о тебе...»

Я не удержался, спросил Кибальчиша с фотоаппаратом, не Ефименко ли его фамилия? Малый подумал, что это я опять с ним так шучу и деланно рассмеялся. Потом сказал «нет», но своей фамилии не назвал. Значит, не так уж прост?

Пока выбирались из павильона на простор речной волны, ближе к фонтану — я сам себя спрашивал — зачем? Наверное, затем, что наивностью своей этот альбинос сумел затронуть мою не такую уж сентиментальную душу.

— Татусь! — окликал в это время то ли по имени, то ли по фамилии пожилую официантку бородатый бармен, — оттащи, Татусь, за кулисы «Кальвадос», хавчик на подносе и баклагу колки, придут сейчас трое из администрации, они в очереди пыхтеть не будут...

«Кулисами» здесь называлась сокрытая от чужих глаз комната для специальных приемов. Та, возле зашторенных дверей которой заседала пестрая, как хвост фазана, многоголосая компания со своим привычным московским базаром наперебой (сколоса уж я их наслушался!) — о новом мэре, старом пэре, Сандунах и Ленкоме, квадратных метрах и заторах на дорогах... Уж эти премилейшие со времен Грибоедова столичные сплетни-сплетенки... Куда ж без них в любом городе и в деревне любой...

— Мы и в Москве живем, как в Китае, — слышу я до боли знакомый и вроде как захмелевший женский голос.

Даже не оглядываясь, узнаю, кому он принадлежит (все дороги ведут к Фонтану дружбы народов).

— Смотри: в школу — дань, чиновнику — сунь, гаишнику — кинь, врачу — вынь, а зарплата — хунь!..

Дружный гогот грянул на последнем слове Виолетты (ее, чей же еще!), сидящей в центре стола, за которым правил бал раздумянный Ясир Арафат. Спутница «гегоя» замахала ручками, даже привстала, подзывая меня к себе: «Идите, идите сюда, познакомлю с друзьями!» Я извинительно раскланялся — потом, потом, если можно, после фотосессии...

— Какая фотосессия? Жулики они! — Не стесняясь, погрозила враз оробевшему фотографу довольно внушительным для леди кулачком Виолетта. — Смотри, малец, если дядю обдуришь! Сама найду и закрою, понял?

— Слышишь, Витек, глас народа? — назидательно постучал я по плечу погрузневшего оператора. — Пипл прав?

— Так я, честно, бесплатно, пожалуйста, мое дело снять вас получите, и я это...

— Ох, ты, Витек и килька! Хитер, как астероид...

Я все-таки называл его Витьком, как вузовского братана Витю Ефименко. Но зачем еще приплел какой-то астероид? Видимо, третий залп «вискаря» начинает в мозгах активно действовать. Нет, не «вискаря», а коньяка. «Вискарь» еще впереди, за тем столиком, у Виолетты, я видел, а пока местный «Хеннеси» срабатывает. Пу-у-мм... Надо сделать царский заказ для этого стола. Где наша Татуся?

А у фонтана народа в-видимо — не-в-видимо. Целься, Санек, п-получше, пли своей пушкой и отваливай. Фото за тобой. Три снимка, йес? Цветные, как договорились. Подойдешь, где кулисы, видишь, вон Кащей с косыночкой на шее пойло разливает. Ты, кстати, не знаешь, кто он, этот дядя Моисей? Я тоже не знаю. Думаю, дальний родич Ксении Ге... Ее ты тоже не знаешь? Живешь в Кисловодске и своих героев не знаешь? Потерянное племя... А что ты вообще знаешь в свои 17 лет, как тебя, а, Толик? Толик-нолик. Хочешь стать миллионером? Храни тебя Николай Чудотворец! Станешь!

Славную компанию сумела сколотить Виолетта, притащив с собой за стол двух сокамерниц (так она шутила) из своего санатория.

— Кайра! — представилась пышногрудая брюнетка, приподнимаясь с кресла в изящном книксене.

— Айна! — последовала ее примеру блондиночка, поправляя солнцезащитные очки в изящной оправе.

— Виолетта! — к явному неудовольствию сира Ясира, скривившегося, как от касторки, подставила мне щечку хозяйка стола. Ну и пусть, говорил ее взгляд, ничего, переживет. А не переживет — не велика беда, жизнь продолжается!

— Да, леди энд джентльмены, жизнь продолжается, — по космическому наитию уловил я сакральные мысли Виолетты. — Но, пока не подали мой пудинг, вы мне расскажите, плиз, что у вас за имена такие прекрасные, ни у кого подобные не встречал.

— Нет, нет, мы сначала посмотрим, что за пудинг вы нам приготовили, — расстреливала меня в упор большими сливовыми глазами Кайра. — А потом решим — рассказывать вам о себе или воздержаться. Верно, девочки?

— Да что мы такие? Вот вы — такой мачо... Лучше вы нам о себе расскажите, только все чтобы откровенно, по чесноку, как на самом деле, — усаживала меня между собой и Кайрой Айна.

— Мы обожаем пикантные истории, — обняла блондинку брюнетка. — А вы такой Хемингуэй, вам так идет бородка... Ну, точно, сознайтесь, охотились ведь вы в сафари, — накручивала локонов на пальчик Кайра, улыбаясь мило и приветливо. — Колитесь, кого в джунглях повстречали, с кем у вас возник лямур...

— Не считайте нас за дур! — заключила стихоплетство подруг Виолетта. И тут же взвизгнула, как от укуса осы: — Эй, э-эй! Хватит меня по ляжкам гладить, гладиатор. Ты куда лапки запустил, а? — ухватила она за ушко вконец сконфуженного Арафата. — Опозорил? Или завтра же идем в ЗАГС, как обещал, или... уйду вон, к Георгию Победоносцу! Вас же Георгий звать, правильно? Возьмете меня в жены?

Выпили за будущий ЗАГС. За женщин. Потом за меня, Георгия, а следом — почему-то за славу русского воинства (видимо, правда, приняли меня в новой компанше за какого-то конструктора стрелкового оружия) и за благословенный здешний край. Не на шутку встревоженного угрозой Виолетты «жениха» время от времени сотрясал нервный тик. Он, не поднимая глаз на «невесту», то подолгу разглядывал хорошо отполированные свои ногти, то не к месту вытаскивал из сумочки-беретки маленькую расчесочку, но, не прикоснувшись к волосам, вставлял ее обратно в футляр, то вздыхал часто и прерывисто...

— Будет тебе мучиться, любимый, — наконец снизошла к его страдани-

ям Виолетта. — Шутка это была, просто шутка, ты что, шуток не понимаешь? — нежно, успокоительно гладила все подрагивающую ручонку своего ламбрекена ингибированная его волнением спутница. Явно желающая отвязно повеселиться, потанцевать, отчаянно пококетничать с кем угодно из мужчин... Ах, где он, тот младший лейтенант из сладкой песни? А тут... Чуть ли не валерьянкой надо отпаивать потускневшего от переживаний пожилого астероида...

Господи, да что это ко мне сегодня еще и этот астероид привязался! Где, кстати, тот пацан, Витька, нет, Толька... Где мои фото, хочу показать, хочу подписать, хочу подарить свои портреты этому хорошо уже заведенному бабск... пардон, поручик Ржевский, дамскому трио — Айне, Кайре, Виолетте! Смуглянка, зеленоглазая улыбчивая Кайра при каждом к ней прикосновении отзывается таким сладостным током. И как же мне нравится ее раскатистое «рррр», как любовное голубиное воркование... «Я возвращаю ваш портрет и о любви вас не молю»... «О, Георрргий, какие вы скрываете таланты! Как вы прекрасно поете! Еще и на гитаре играете? Орркестррр здесь есть? Есть оркестр, я спрашиваю? Дайте нам гитару! А-а, черт с ней, с гитарой. Мы с вами, Гера, и так споем, а-капелла, давайте вместе споем, а? Такую, со слезой, цыганскую...»

— Айна! Споем до слезы?

— Споем, Кайра, до слезы. И поквасим до бузы!

А тут и гуся с запечеными яблоками — фирменный мой подарок, который я понарошку назвал пудингом, официантка на тележке подвезла. Роскошная такая птица... Была. Упитанная, загорелая. Доставшаяся хорошим людям.

— Татуся. Пожалуйста, от меня — бутылк шампанского шеф-повару в награду! Гвардия, москвичи! Ну-ка, где гвардейцы кардинала? Где мушкетеры короля? А ля гер ком, а ля гер-ро! Вступительный взнос от Георгия Победоносца. Дамы угощают кавалеров! Пли, артиллерия, шампанским, пли, пробкой в потолок. Ур-ра!..

Это я потом уже, в гостиничном номере, после бурного и долгого припадка страсти, буду рассказывать Кайре о тех разводах на деньги, под которые попадал в былые времена. «Три самолетика» — на криминальной ВДНХ, где и столичным, и провинциальным лохам вначале предлагаются заведомо выигрышные «лотерейные» билетки с эмблемами звена летательных аппаратов, а затем виновников торжества аферюги-«менеджеры» в арендованном для воровских дел павильоне «Животноводство» доят по полной программе, требуя как бы частичную оплату выигрыша, взамен нереальной туристической путевки на Мальту или в Кюпакабану...

Чуть ли не бросок под колеса лысого азиата-жулика на крутом повороте воронежской трассы. А когда перепуганный водитель останавливает машину, избегая наезда, на него наезжают внезапно появляющиеся из кустов фигуранты с монтировками в руках, вежливо упрашивая помочь финансово с закупкой бензина для заглохшего во-о-он там «жигуленка»...

Что уж говорить про телефонные чудеса с банковскими картами изобретательных магистров-мошенников, вольготно себя чувствующих в зонавских университетах далеко от Москвы. На тех самых «хатах», о которых вполголоса рассказывал мне как-то в душной больничной палате бесценный бригадир Филимонов. Кстати, если ему верить, родной дядя некогда знаменитому на всю Россию вратарю... Но все это будет потом. А пока...

Малорослая, но широкоплечая барышня в рваных — по моде — джинсах, появившись в проеме кулис, игриво поманила меня на выход пальчиком. С чего бы это? Кто такая?

— Вот, пожалуйста, три ваши снимка у фонтана, — по-цыгански пристально сверлила меня острыми глазенками опекунша бессребреника Толяна. — У нас сегодня акция, а вы — первый клиент, потому наполовину дешевле. Если три возьмете — большой, средний и миниатюрный — то в придачу подарим ваше фото в стеклянной оправе. Это совершенно бесплатно, пожалуйста...

Вот оно откуда — от нее — это к месту и не к месту произносимое студентом неведомого техникума Толиком вежливое «пожалуйста»...

— Послушайте, мисс...

— Если вы уж так хотите, то миссис, я девушка замужняя.

— Тем более! Миссис! А ничего, что ваш кгм... практикант заверяет о бесплатной съемке?

— Мистер! Уважаемый! Толик правильно вам все сказал. Снимает он бесплатно, но за фотографии ведь надо платить. Вам же в магазине колбасу за так не дадут? А у нас расходы на фотобумагу, зарплату лаборанту, аренда помещения...

— Убийственная логика! Это вы всех курортников так обуваете?

Наверное, на самом кончике язычка скромной бандерши из подпольного фотоцеха вертелся язвительный ответ — не всех, мол, а таких раззяв, как ты, красавчик...

Но тут раздался зычный голос атамана: «Георгий, я вам что говорила? Жулик здесь на жулике и жуликом погоняет. Думают, все приезжие — баснословные северяне с миллионами в карманах... Зови полицию, я видела, тут где-то пэпээсник ходит, патрульный постовой...»

Э-э-э, Виолетта, успокойся, милая, нам только полиции не хватало... Заплачу я ей за эти три снимка и пусть делает ноги свою Дерibasовскую.

Растяпа ты, растяпа, Георгий Андреевич... Ну что же ты такой податливый, грозный только на словах, а в душе мягче воска? Ну почему ты по-боцмански, по-матросски, как некогда на армейской службе в береговой охране, не отправил эту карлицу-жулика туда куда-нибудь, ик... на Оленью губу? Как это с ходу сделала бы, ик... никогда и никому не дающая себя обмануть Виолетта Сергеевна. Гром-баба. Понял, кто она? Вот так вот, зацени: начальник отдела дознания транспортной полиции из какого-то угольного края, то ли Кемерово, то ли Тулы... «Подполковник, между прочим, чтоб ты знал, страха совсем не ведает, ее спецназ на задержание знаешь каких сапсанов брал...» — щекотала мне ушко жаркая, как тропическая ночь, большеглазая соседка. И совсем не противилась тому, что я, как прихватил, так и не выпускал ее ладошку из своих рук.

— И ты, Кайра, тоже дознаватель? Что, правда? Геодезия и картография? И даже кандидат наук? Ну, слушай, какая же ты умница! Прости, родная... Мужчины, за прекрасных дам! Барышни дорогие, вы... ик... пардон, не против, если мы все — на брудерррршафт? Алекс, вашу прекрасную Виолетту отпустите, наконец, потанцевать, да пусть и в кружочке... Вы, Алекс, вообще, кто? Вы за дедушку Мао или против? Я, например, официальный марксист! Вы тоже? Странно! (Так хотелось, чтобы девушки наши угорали от изысканных хохм пирующих интеллектуалов).

А взвод пирующих (подходил еще какие-то московские гости со своим выпивоном) с наслаждением зарывался в облака картофельного пара, безжалостно обдирая бока (ух-а, как рифмуются «бока-облака»), обдирая бока огромному, ловко запеченному гусю, начиненному кисловатыми антоновскими яблоками. И с упоением слушал виртуозные тосты француза по маме (оттуда и грассирование) Алексея. Алекса, как он сам попросил себя называть. Алекса, — вам ясно, грубиян, поручик Ржевский! Ныне и присно не было и нет никакого Арафата! Чин-чин? Конечно, дорогой! Будем друзьями!

— Кайра, солнышко, ты прелесть! Какая же ты прелесть, — сам не знаю, откуда брались у меня такие нежные слова для снежной королевы, свернувшейся калачиком, уютно устроив голову на моей руке и полуприкрыв глаза... — Правда, ты по маме турчанка? Ну, откуда знаю... Откуда. Виола шепнула, пока ты с Алексом танцевала. Видел я, видел, не слепой, как он тебя прижимал... Небось, еще и чаечкой называл? Кайра, правда, по-турецки чайка? Расскажи, хоть чуточку, о себе?

— Попытаюсь. Только зашторь окно, мой хороший. Да, в гостиницах и на третьем этаже подглядывают! Поездила по стране, знаю... А что касается твоих вопросов... Знаешь, в нашем кругу не врут. И тебя я почувствовала сразу, поняла, ты мой... Даже ощущала через ладошку, как твое сердечко бьется. С бывшим моим не общаюсь и по телефону, пусть он будет счастливым с новой женой, а в наших с ним отношениях баланс поддерживает только сын, которого он по-прежнему любит. Живое напоминание о прошлом. Два года одна. Только командировки и спасают. А сынуля с бабушкой, Игорек все понимает, ни о чем не спрашивает. Гордится, что мама готовит докторскую. А тема у меня знаешь, какая?

— Знаю! «Моя любовь на третьем этаже»...

— Ага. Примерно. Только чуть пошире: «Аппаратурный комплекс для первого этапа региональных исследований верхней части разреза Луны».

— Слушай, Кайрик! Я сейчас с кровати упаду... Как же ты, такая великая, снизошла до такого...

Кайра не дала ни слова дальше договорить, по-борцовски вывернувшись из моих объятий и теперь уже сама оказавшись лицом над моим лицом. И снова вовсю разметались каштановые пряди длинных ее волос, закрывая лоб, глаза и пухлые, чувственные губы. И снова вырывалось из наших уст только слабое постанывание, и не хватало нам больше дыхания для долгих поцелуев, и руки наши то сплетались в чугунной хватке, то становились совершенно обессиленными, и невозможно было понять, сколько длилась наша слитность... Да пусть бы она длилась так хоть целую вечность!

Но если бы не эта любовная дрожь постскрипtum, не эта самая сладостная импульсивность, как назойливый будильник, напоминающая о разрядке, о том, что и все хорошее когда-то кончается.

— Георгий, ваше благородие! Приказываю лежать, я первая в ванную... А вы думайте покамест обо мне. Вам ясно?..

— Академик мой дорогой, послушай! А если я у нашей дознавательницы, Виолы, попрошу на один только вечер табельный ее пистолет. Даст? Пусть не заряженный. Нельзя, понимаешь, нельзя, Кайрик, допустить, чтобы этот вонючий магнат Костя лез со своими слюнявыми поцелуями

к моей донечке. Пусть лобызает уж ту мою, бывшую... Но он что, думает, легко отделался? Плохо он знает Георгия, чмуры! Будет ему похмелье.

— Ну, чего ты притихла? Думаешь? А что тут думать? Думать тут нечего. Разве что... Как думаешь, Кайрик, Виолетта пойдет со мной на эту операцию? Рискованно? Для боевого опера? Опер чтобы не пошел на операцию?! Ты же сама говорила, она и на задержание бандюг не побоялась отправиться, хотя у самой двое — да? — вот, двое детей. Ладно. Что-то я раздухарился не по делу... Пойдем на лоджию, подышим? Ну и что, что не одета, а я? Кто нас увидит? А увидят — пусть завидуют...

Дымный очерк далеких гор быстро заслоняла чернильная темень, наползавшая с запада. Бормотал предгрозовою гром, подтверждая угрозы урагана вначале скупыми россыпями мелкого дождичка. И не было для меня за долгое время прежних тусклых будней большего счастья, чем то, которое неожиданно свалилось в облике Чайки. Пахнувшей морем и простором женщины, реально близкой, желанной, от которой меня отделяет всего ничего — только один шаг, даже полшажочка и только условное прикрытие сказочных прелестей гостиничным халатом. Как же, на самом деле, точно в имени ее воспроизводится выклик морской чайки над волной...

— Кайра, солнце, я что-то не понял, а куда вечером все умотали? Алекс, Виолетта, Айна...

— А вы, сударь, зело оказались поддавши, заснули даже в такси у Мурата, — вполне справедливо съязвила моя чаечка, потуже запахивая легкое свое одеяние, в которое она куталась плотно, тщательно, как римский император в тогу...

— Неужели? Не может быть... Чтобы до такой степени? Это, наверное, очищение происходило. Последняя вспышка отпевания прошлого. Нужно, Кайра, нам отметить этот факт, как начало новой эры, йес? Где здесь внутренний телефон, звякну в бар, все доставят в номер...

Насчет безалкогольных напитков Кайра моя, конечно, погорячилась; для прикола я заказал ей сидр, мне — кальвадос, а еще к столу — президентский ужин: барабульку с артишоками и холодный шербет из шиповника, кизила, розы и лакрицы. «Мандарины не забудь!» — пропела из глубины лоджии Кайра... Логично! Время детское, всего лишь два часа ночи, почему бы и не попить купаемым в раю Адаму и Еве, не признающим никаких покровал. Придется, правда, не меньше часа ждать, пока нечто среднее между поздним ужином и ранним завтраком доставят... Аа, блин! Что мы, бедные? Гулять, так гулять, сегодня вся ночь наша, все сутки напролет!

— А ты так и не понял насчет Алекса? — едва отдышавшись после новой нашей любовной схватки, поглаживала бокал с вином, как недавно поглаживала мои плечи, Кайра. Лепная вся, нагая моя богиня, подтянувшая под себя маленькие ступни и укутанная чуть ли не с головой в гостиничное махровое полотенце.

— Нет. А что? Думаю, они с Виолеттой в тесной... кгм, духовной связи. Нет?

— Конечно, нет. И куда ты отправил его с Муратом, тоже не помнишь?

— Постой, паровоз, не стучите колеса... Что же это я так с вечера набухался-то, а? На меня совсем не похоже... Куда я отправлял Мурата? Ну, помню, звонил ему...

— Вот! Он нас сюда в гостиницу и завез, к брату своему, директору. Иначе бы этот «люкс» с видом на фарватер откуда взялся?

— Так. А потом?

— Потом Мурат откозырял вашему... как там... благородию, высоко-родию... Вы же с ним изъясняетесь, как генерал с денщиком в Первую империалистическую...

— Да это у нас прикол, неважно... И дальше что?

— Дальше он повез Алекса по назначению...

— То есть? — натужно морщил я лоб, не в силах понять смысл лукавой улыбки, скрытой в уголках полных губ Кайры.

— Тебе открытым текстом? Голубок наш Алекс свалил в постоянное свое мужское гнездовище под названием «Голубые горки». Гей, славяне!

— Ингибировать?

— Наверное... А может, на литературный диспут. Он же специалист по Фрейду. А голубеобразных, я читала, триста видов, вообще...

Мы ржали так, что не удивились бы, услышав недовольный стук других гостиничных насельников по трубам водяного отопления... Но обошлось...

— Значит, Виолетта — грозный начальник отдела дознания, ты у меня — академик. Ладно, ладно, не спорь, будешь академиком. Ни фиги себе, на Луну нацелилась! Нехило... Да весь мир вздрогнет от твоих открытий, Кайрик, и не раз! А чем занимается Айна?

По-детски выпятив губки, Кайра с наслаждением потягивает из пластмассовой трубочки ледяной шербет — целительный контраст с пламенной постелью, которую нам еще осваивать и осваивать...

— Айна? Интересная женщина: смотри! Знаю ее с детских лет, мы же все из одного поселка городского типа, в садик ходили вместе, учились в одной школе вместе, встречаемся почти каждый год: то здесь, то в Сочи... А расшифровать, кто она, что она, поверь, не могу. И бывший мой — рос-ли-то в одном дворе, говорил то же самое. Мутная, мол, какая-то наша Айна...

— Да как же это? Странно... Такие близкие подруги.

— Да. Вот так. Она самая среди нас странная, не чета Виолке. Та открытая, как ветер: всегда прутью носится, ух, где, что, как, почему — сплошной порыв. А эта — нет. Тихоня. Но так только с виду. А по сути... Смотри: девка с красным дипломом заканчивает в Москве ГИТИС! Кстати, поступила туда без всякого блата, просто готовилась до посинения. Вуз закончила — снималась потом в трех или в четырех фильмах, приглянулась, представляешь, московской режиссуре и брали ее даже без проб, в театр к этому, известному армяну...

— Армянину!

— Да, спасибо. Айна — она же и чеченка немножко. В семье сложная у них вышла история, прямо сюжет для романа. Ее папа — горец — в молодости ее маму насильно в горы увез, хотя она должна была выйти замуж за другого, за русского. Удерживал в горах ее несколько лет, пока она ему дочь и сына не родила. Жуть... Мама Айны даже зрение там почти полностью потеряла — все из-за нервов. Айна? По-ихнему значит вроде как зеркальце, или светлый лучик, что-то так... Через суд, через адвокатов маленькую Айну матери все-таки отдали, а сына папаша так и отсудил себе... Куда было маме Айны податься? Вернулась к родителям, в наш край... У Айны детки-близняшки, теперь взрослые уже мальчишки, муж военный. Живут они в Забайкалье,

заведует она там то ли Домом офицеров, то ли каким-то домом народного творчества... что-то такое, точно не скажу. Виолка недавно гостила у нее, рассказывала, все там прекрасно, дом — полная чаша, дача, машина, муж любит без памяти. Денежек немерено... Да еще бы, если супруг — полковник... Но она все по Москве скучает. Страдает... Театры, кино, публика...

О чем-то еще говорила мне Кайра, обнажая для поцелуя то наливные загорелые плечики, то шейку, пока вновь мы не опрокинулись в обжиготой за короткое время альков, из которого так не хотелось выбираться на свет божий... А надо.

С высоты третьего этажа, если выйти на лоджию, прекрасно просматривались и манящие в путь зазубренные горы, и полный чудес, не до конца изведанный даже местными аборигенами парк, и все подходы к иллюминированной не хуже, чем в Париже, нескончаемой Набережной. Но подлинным чудом из чудес в не такой уж безмолвной ночи оставался никогда не спящий и ни в какое время суток не дремлющий красавец-фонтан. Сердце города? Пожалуй. Витиевато изгибались в полный рост, потом наполовину, затем вздымаясь совсем чуть-чуть разноцветные струи, красочно подсвеченные прожекторами. В одном ритме с ними музыкально сопровождали каждый всплеск воды то ария Каварадосси, то лихо атакующей скуку, тоску огненный «Танец с саблями» Хачатуряна... И увлекательно звучили угадываемые по первым же тактам отрывки из обрывков популярных песен советских композиторов... Идиллия! Не чета какой-то за границе. И вдруг!

«Вдруг арию Тоски из оперы «Тоска» какой-то чуваш затянул по-эстонски», — вспомнилась мне шутливая эпиграмма, когда я услышал снизу, чуть ли не из-под земли, крик души невидимого Ромео, его слезную просьбу к бодрствующей, видимо, Джульетте, немедленно явить свой лик на балкончике. Немедленно! Ауген блик! Без промедления! Молниеносно!

Ах, юнга! Ты не оригинален... Кому из нас не припекало в такие же, как у тебя, отроческие годы точно так же, посреди ночи, немедленно, страстно, кровь из носа, и пусть погибнет вся Вселенная, и пятнадцать человек на сундук мертвеца! — но увидеть свою мадонну, услышать голос ее, увлечь в свои объятия — до хруста, до потери пульса, до изнеможения. Так некогда любил и я...

В глубине люксовой комнаты, откинув полотенце с плеч, великолепная в лунном сиянии, смотрит на меня все понимающими глазами прекрасная женщина Кайра, которую я знаю один только вечер и все сто последних лет! Чеховская Нина Заречная? Жаждающая тепла и любви, верная и преданная Чайка. И я, идя навстречу ей, знаю, что сейчас скажу. Что пообещаю — по правде, без обмана... Мысли немного путаются. Рождаются не совсем связные слова и фразы. Но я понимаю одно.

Прозренье — то же, что прощенье. Накатывает вдруг, без стука и без предупреждения. И ты понимаешь, что это — любовь. А любовь — это хлеб на двоих, который нельзя воровать друг у друга. Вообще без хлеба жить можно, только худо без него жить. И пусть будет сделан в жизни один — только один — глубокий и честный замес общего каравая, но такой, чтобы без фальши и малейшего обмана, чтобы раз и навсегда.

С первого раза — я в этом не одинок — у меня не получилось. И у Кайры, как я понимаю, не получилось. «На божьем промысле любви бывают выстрелы пустые»... А теперь, — спросил бы я у мудрой-премудрой символистки Зинаиды Гиппиус, родившей эти строки, получится? А?

— А-а-а-а-а! — согласно отвечает мне такое далекое и такое близкое горное эхо. И улыбается мне, Кайре и всему человечеству добрая желтая хлебная коврига — Луна.

А со стороны фонтана приглушенно доносится узнаваемый голос всем знакомой певицы: «Улыбнулась грустно луна, это были именно он и она!..» Финал.

